

**РАССКАЗЫ
О КРАСНЫХ КОМАНДИРАХ**

Александр Кононов

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

Юрий Дмитриев

ГРИГОРИЙ КОТОВСКИЙ

Сергей Алексеев

РАССКАЗЫ О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

63.3(2)71
К64

Художник
О. А. БОРОЗДИН

Кононов А. Т. и др.
К64 Рассказы о красных командирах / А. Т. Кононов, Ю. Д. Дмитриев, С. П. Алексеев. — Ярославль; Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988.—64 с.

В книге рассказывается о героях гражданской войны Василии Ивановиче Чапаеве и Григории Ивановиче Котовском и о герое Великой Отечественной войны Маршале Советского Союза Георгии Константиновиче Жукове.

К 4803010102—44 48—88
М139—(03)—88

63.3(2)712.8 + 63.3(2)722.78

© Верхне-Волжское книжное издательство, состав, оформление, 1988.

Александр
Кононов

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

Василий Иванович Чапаев — легендарный герой гражданской войны, талантливый командир Красной Армии.

С апреля 1919 года — командир 25-й стрелковой дивизии, комиссаром которой был назначен Д. А. Фурманов. Дивизия нанесла противнику ряд сильных ударов. Раненный в голову во время взятия Уфы, Чапаев продолжал командовать дивизией. За успешное руководство боевыми действиями под Уфой Чапаев был награжден орденом Красного Знамени.

Дивизия под командованием Чапаева освободила Уральск от осады белогвардейских войск, но белогвардейцы внезапно напали на штаб дивизии. Чапаев со своими соратниками мужественно боролся против превосходящих сил противника. Расстреляв все патроны, Чапаев бросился в реку Урал, чтобы переплыть на другой берег, но был сражен пулей и погиб.

СЛУЧАЙ В ВЯЗОВКЕ

На пыльной улице деревни Вязовки показалось пятеро всадников. Впереди на красивом рыжем коне скакал человек в военной гимнастёрке.

Деревенские ребята сразу узнали его:

— Чапай... Чапай приехал!

У двора с высокими тесовыми воротами всадники остановились.

Из ворот выбежал мальчик лет семи.

— Батя, — закричал он, — а у нас ярмарка!

— Видал, сынок, — ответил Чапаев и соскочил с седла наземь.

Был он невысокого роста, но ладный, статный. Зелёная гимнастёрка, перетянутая кожаными ремнями, сидела на нём ловко. У пояса с правой стороны висел револьвер, а с левой — шашка, богато украшенная серебром.

Он тронул рукой свои усы и оглядел деревенскую площадь синими ясными глазами.

На площади стояли возы с сеном. Девчата в ярких, праздничных кофтах гуляли, взявшись за руки. Приезжий горшечник громко расхваливал свой товар. Гармошка играла весёлую плясовую песню.

— Ну что ж, пойдём в избу, Бубенец, — сказал Чапаев.

Потом обернулся к самому молодому из всадников и велел:

— Петя, коней во дворе поставишь.

Четверо приезжих вошли в избу, а пятый взял лошадей под уздцы и провёл их во двор.

Войдя в избу, Чапаев взял со стола кринку, налил в стакан молока и быстро выпил. Потом пододвинул кринку своим спутникам.

Ребятишки жались к столу и рассматривали гостей.

На пороге показался плечистый старик с кудрявой бородой.

— Здорово, Василий! — сказал он. — Всё воюешь?

Чапаев усмехнулся и ответил:

— Воюю!

Старик подал каждому из приехавших руку и сел на лавку.

— Я на ярмарке был, когда ты по деревне... пропылил. Я тебя издалека, сынок, признал.

— Ну, как нынче ярмарка — удалась? — спросил старика один из приезжих, которого звали Бубенцом.

— Да как сказать... Знакомых никого не встретил. Всё больше какие-то чужие, дальние.

Бубенец нахмурился:

— Зачем дальним в Вязовку ехать? — Он повернулся к Чапаеву и проговорил: — Василий Иванович, в уезде беспокойно. Не понаехали бы непрошеные гости — беляки. Напрасно мы от отряда так далеко отбились.

Чапаев спокойно ответил:

— Неужто мне и ребятишек своих нельзя повидать? Вот погостим до утра, а там и в поход.

Он подошел к окну и стал глядеть на улицу. По улице медленно двигались большие возы с сеном. Один воз остановился недалеко от ворот.

Иди-ка сюда, Бубенец, — позвал Чапаев. — Сено на возах мне что-то не нравится.

Бубенец посмотрел в окно и сейчас же схватился за револьвер.

Чапаев тоже вынул револьвер и проверил шашку — легко ли вынимается из ножен.

На улице из-за воза с сеном торчали дула винтовок, выглядывали чьи-то чужие злобные лица.

Чапаев крикнул ребятишкам:

Ложись на пол!

Он схватил младшего сынишку и сам уложил его подальше от окна. Двое других, постарше, легли рядом.

Чапаев быстро повернулся к Бубенцу.

— Ну, если это за моей головой приехали... — начал он, но не успел договорить: на улице раздались выстрелы.

В соседней комнате со звоном посыпались на пол стекла.

— А где Петя? — крикнул Чапаев.

Но Пётр Исаев и два других бойца уже стояли у порога избы с наганами наготове.

— Василий Иванович, — проговорил Пётр быстро, — коней я не рассёдлывал. Нам бы только к коням пробиться.

— Пробьёмся!

Пётр Исаев был парень лет двадцати двух. Он состоял при Чапаеве для поручений, всюду ездил с ним и видал немало сражений.

Снова загремели выстрелы, потом на минуту затихли, и чей-то сиплый голос заорал:

— Выходи-и! Выходи-и, Чапай!..

Теперь все пятеро приезжих во главе с Чапаевым и Бубенцом стояли у окон и дверей с револьверами в руках.

Как только в ворота просунулась чья-то рыжеусая голова, из окошек избы раздался залп. Голова исчезла.

— Во двор! — скомандовал Чапаев.

Чапаевцы выскочили во двор, легли у избы и стали отстреливаться.

Во дворе оказался и отец Чапаева.

— Становись к воротам, — сказал ему Василий Иванович. — Когда нужно будет, откроешь их по команде.

Нападавшие не подходили теперь близко к воротам. Они кричали издали:

— Выходи-и! Выходи-и живей!..

Потом они столпились у возов с сеном и стали обсуждать, как бы зажечь со всех сторон избу и выкурить оттуда чапаевцев.

В это время Чапаев, согнувшись, подбежал к своему коню и вскочил в седло. За ним бросились к лошадям остальные.

— Открывай ворота! — негромко скомандовал Чапаев и выхватил шашку из ножен; в левой руке он держал револьвер.

Ворота распахнулись. Пятеро конников вылетели на улицу и врезались в толпу врагов. Те не ждали нападения.

В воздухе сверкнули шашки, слышались крики и стоны раненых. Белогвардейцы попятились назад, стараясь укрыться за возы с сеном.

В это время к Чапаеву подскакал офицер на белой лошади. Он уже занес шашку на головой Чапаева, но тот

ловко увернулся, поднял коня на дыбы и выстрелил из револьвера.

Офицер повалился на бок, ухватился было за гриву лошади, но не удержался и пополз с седла на землю.

Под Петром убили коня. Конь, тяжело рухнув, придавил ему ногу.

Чапаев увидел это.

Он соскочил с коня, подбежал к Исаеву и помог ему освободить ногу. Потом кинулся на выручку к Бубенцу. И пора было: Бубенца окружили враги. Он уже расстрелял все пули и теперь еле отбивался шашкой. Кровь тоненькой струйкой бежала по его лбу.

Чапаев рубил направо и налево, а позади него Петр стрелял в белых из нагана.

Враги не выдержали натиска и бежали.

Пять всадников долго преследовали их, потом вернулись назад. Исаев первый подбежал к возам и сунул в сено свою шашку. Шашка наткнулась на что-то твёрдое и глухо звякнула. Бойцы раскидали сено и нашли под ним пулемёт.

КРАСНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

По степной дороге мчался красный автомобиль.

В нем сидели двое: шофёр и Чапаев.

Чапаев, перегнувшись за борт машины, зорко вглядывался вдаль. Позади него стоял пулемёт, дулом назад.

Кругом лежала ровная, выгоревшая от солнца степь. Далеко впереди виднелась колокольня.

Шофёр повел машину быстрее.

— Ну, — сказал Чапаев, — скоро будем пить чай.

Шофёр поднял голову.

— Чайку неплохо бы теперь, товарищ Чапаев! — проговорил он весело.

Скоро показались и крестьянские избы.

Ещё минута — и машина понеслась по деревенской улице.

Мелькнули зелёные огороды, покосившиеся плетни, жёлтые подсолнухи у чьего-то крыльца... Деревенская пыль поднималась клубами за пролетевшим автомобилем.

На площади, недалеко от церкви, шофёр остановил машину.

Чапаев встал.

— Смотри, мальчишек к моей пушке не подпускай, — кивнул он на пулемёт.

На улице появилась какая-то женщина. Чапаев крикнул ей:

— Где тут у вас сельсовет?

Женщина испуганно взмахнула руками и скрылась.

Чапаев оглянулся вокруг и понял, что дело неладно. У церкви стоял и вглядывался в автомобиль человек с погонами на плечах. В нём нетрудно было признать белого офицера. Не сводя глаз с машины, он расстегнул висевшую у пояса кобуру и вынул наган.

Из переулка показалось трое солдат.

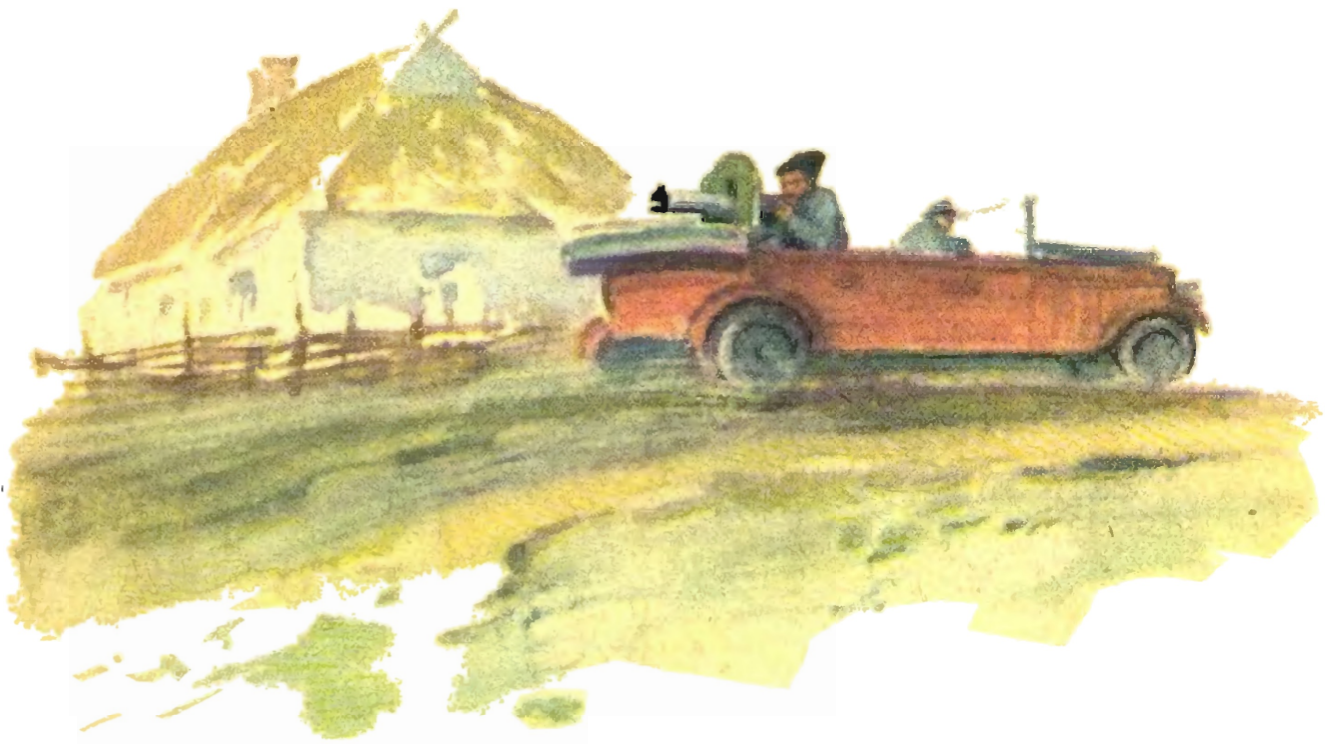
— Ну, товарищ, крути, — проговорил Чапаев негромко, — закручивай мотор: в деревне белые.

Шофёр стал быстро заводить не остывший ещё мотор, а Чапаев припал к пулемёту. Он одним взмахом повернул его дулом к церкви и прицелился.

Шофёр присел как можно ниже к земле и крутил изо всех сил ручку мотора.

— Не успеешь закрутить — пропали мы, — сказал Чапаев.

В это время у церкви, где стоял офицер, раздался револьверный выстрел. Пуля пропела над самым ухом шофёра. Но он уже завёл мотор и вскочил в кабину.

Машину сильно рвануло — шофёр сразу взял самую бешеную скорость.

Теперь со всех сторон бежали к ним белые. Но скоро остановились: машина круто повернула. Чапаев открыл стрельбу из пулемёта.

Пули полукругом легли по всей улице.

В конце деревни уже показались скачущие во весь дух конные белогвардейцы.

Машину трясло на ухабах. Чапаев, прильнув к пулемёту, стрелял без остановки.

Опять метнулись мимо зелёные огороды, старые плетни... Вот уже степь дохнула в лицо чужим и горьким запахом полыни... А сзади неслись белые кавалеристы.

Шофёр нагнул голову к самому рулю и боялся оглянуться. С минуты на минуту он ждал, что пуля пробьёт шину — и тогда конец. А позади, заставляя дрожать весь кузов машины, отрывисто и часто стучал пулемёт Чапаева. И вдруг замолк.

Шофёр услышал чуть охрипший голос Чапаева:

— Патроны кончились.

Автомобиль был уже среди ровной степи. Белые кавалеристы скакали далеко позади. Скоро они и сами поняли, что им не догнать сильную машину, и повернули назад — подбирать убитых и раненых.

Чапаев вдруг засмеялся:

— Вот так напились чаю!

Шофёр не расслышал: скорость была бешеная, ветер свистел в ушах.

А когда машина пошла тише, шофёр услышал:

По морям, по волнам,
Нынче — здесь, завтра — там...
По-о моря-ам...

Шофёр оглянулся. Положив ладонь на горячее дуло пулемёта, Чапаев пел и задумчиво щурил синие свои глаза.

КЛИНЦОВСКИЕ РЕБЯТА

Однажды Чапаев отправился в разведку.

Он и четверо бойцов ехали верхом. А позади, на тачанке с пулемётом, сидели Пётр Исаев и восьмилетний сын Чапаева, Аркадий.

Наступил вечер. Чапаевцы увидели небольшой лесок и рядом с ним речку. Далеко за речкой виднелась деревня Клинцовка.

Около речки паслось десятка три лошадей. Их стерегли деревенские ребята. Чтобы не испугать ребят, Чапаев послал вперёд своего сына Аркадия.

— Ты кто? — спросили ребята Аркадия.

— Чапаев, — ответил тот.

Ребята засмеялись:

— Ну да! Чапаев небось на громадном коне, и шашка у него серебряная.

В это время Василий Иванович закричал издали:

— Ребята! Вы клинцовские?

— Клинцовские, — ответили они и стали понемногу подходить ближе.

— Что вы тут делаете?

— А мы коней караулим, чтобы их враги не угнали.

— В деревне, значит, белые?

— Ага.

— Много их там?

— Много.

Чапаевцы сошли с коней и стали совещаться. Тени от деревьев становились все длинней, солнце стало опускаться за верхушки деревьев.

Ребята нарубили было сучьев для костра, но как только

увидали пулемёт — про костер забыли. Они всё ближе подходили к тачанке.

— А вы смелые? — спросил их Чапаев.

— Ну понятно, смелые, — ответил самый старший парнишка; было ему лет четырнадцать.

— Белых из деревни выгнать хотите?

— Хотим.

— Ну, тогда слушайте меня, — сказал Василий Иванович. Он велел ребятам нарубить ивовых палок и содрать с них кору.

Потом Чапаев приказал:

— Когда станет совсем темно, садитесь на коней и скачите к Клинцовке. Да палками, как саблями, повыше размахивайте. А как услышите выстрелы, тикайте по домам. Ясно?

— Ясно, — ответили клинцовские ребята.

Пока стругали ивовые палки, примеряли их — годятся ли для сабель, — пока садились на лошадей и выстраивались в ряды, наступила ночь.

Ребята помчались на конях к деревне.

А Чапаев со своими бойцами подъехал к Клинцовке с другой стороны.

Он выстрелил в темноте из револьвера и бросил вверх ракету. Ракета с шипеньем взвилась высоко в воздух и рассыпалась синими искрами.

Сонные враги выбежали на улицу и при свете ракеты увидели: скачут к ним конные с поднятыми саблями. Потом ракета погасла и всадники скрылись в темноте.

А в это время с другой стороны деревни застучал пулемёт, загрели револьверные выстрелы.

Едва успели белогвардейцы схватить оружие, как на них налетели конники с Чапаевым во главе.

Белоказаки растерялись. Теперь они видели, что красные несутся на них со всех сторон.

И враги побросали оружие, начали прятаться по дворам.

Чапаев со своими пятью бойцами стал объезжать дворы и забирать пленных.

А в это время клинцовские ребята с ивовыми палками сидели уже по избам. Как велел Чапаев, они при первом выстреле бросились бежать в разные стороны.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Отряд Чапаева увеличивался с каждым днём. В нём было уже несколько тысяч бойцов — целая дивизия.

И стал Чапаев начальником дивизии.

А комиссаром к нему прислали Дмитрия Фурманова.

Однажды ночью пошел Фурманов проверять красноармейские посты. Он увидел посреди деревни костёр и подошел поближе.

У костра сидели красноармейцы, кипятили в ведре воду и вполголоса вели разговор.

— А кто он будет?.. Из каких он, Чапаев-то?..

— Из таких, как мы с тобой. Плотник он. До войны с пилой и топором всю Саратовскую губернию обошёл да всю Уральскую область. Он тут каждую деревню знает. Без карты все пути-дорожки, все тропочки до самого Урала помнит. А сам он крестьянин, бедняцкого рода, Балашовского уезда, Саратовской губернии. С малых лет работать пошёл. Было ему лет двенадцать, отдали его к купцу — товар отвешивать на весах. И стал его купец учить, как обвешивать да людей обманывать. А он не хочет. Купец его за это и прогнал.

— Прогнал?

— Выгнал вон из своей лавки. А Чапаев — сам знаешь, какой он, — неужто стерпит?! Он и тогда за правду стоял. Купец богатый, а Чапаев не испугался. «Жулик ты!» — говорит...

— О?!

— Купец тут от злости чуть не задохнулся. Не привык к правильному разговору. Я, говорит, знаешь что с тобой по закону сделаю? А у буржуя какой закон? «Захочу — в гроб заколочу» — вот какой у него закон. «Я тебя, — кричит купец Чапаеву, — не только из моего дома, я тебя и из села выгоню!» Василий Иванович поглядел на него да и отвечает: «А совсем с земли прогнать меня не можешь? И то ладно. А тебя, гляди-ко, выгоню, дай срок!» И вот, видно, срок этот настал!.. Вот с каких пор Чапаев вражду с буржуями ведёт...

Разговор на минуту умолк.

Фурманов присел к огню на корточки, достал уголёк и раскурил им свою трубку.

Один красноармеец проговорил негромко:

— Расскажи, Еремеев, про часы.

Плечистый боец в чёрной папахе откликнулся:

— Да ведь рассказывал уже...

— А ты ещё раз расскажи. Вон товарищ, — красноармеец кивнул на Фурманова, — небось не слышал.

Еремеев помолчал немного и потом начал:

— Было это, когда мы белоказачков выбивали из станицы Сломихинской. Не дошли ещё до станицы — ранили меня в голову. Минут десять я, должно быть, без памяти пробыл. Ну, а потом сделали мне перевязку, взял я винтовку, опять пошёл вперёд. Иду, а сам шатаюсь. Погляжу на небо — солнце мне чёрным кажется.

— Ослабел, значит?

— Ослабел. И не то чтоб от боли, а скорей всего — много крови потерял. Да. Иду, шатаюсь. Подпираюсь винтовкой. Долго ли шёл, и не помню. Гляжу — Чапаев передо мною. «Ты куда? — спрашивает. — Тебе в госпиталь надо, отдыхать, рану залечивать». Поглядел я на Василия Ивановича, и вроде веселей мне стало. Отвечаю я ему громким голосом: «Нет, говорю, товарищ Чапаев, отдыхать мне ещё не пора». Глянул он на меня, помолчал. Потом вынимает из кармана часы и подаёт мне: «Носи! Помни Чапаева». Я заробел было, не беру часов: «Что ты,

Василий Иванович! Часы тебе самому нужней...» А он как осерчает: «Бери, говорю, заслужил награду! А Чапаев своего слова никогда не менял!»

— А дальше? — спросил Фурманов.

— Что ж дальше... Взял я часы, пошёл в бой.

Вода в ведре закипела. Еремеев вынул из костра жжёную хлебную корочку и бросил её в ведро — заварил чай.

— А давно ты знаешь Чапаева? — опять спросил Еремеева Фурманов.

— Давно. Да по всей земле пройди — небось везде его знают. Про Чапая слава далеко идёт.

Один из красноармейцев зашевелился у костра и сказал:

— Чудно мне другой раз покажется: такой же вот простой человек, как мы с тобой, а, смотри, чего достиг.

— Простой-то он простой, а все ж таки особенный. Я по своему званию плотник. И Чапаев плотник. А выходит: таких, как мы с тобой, много, а Чапаев — один.

Еремеев замолчал.

Фурманов курил и думал о Чапаеве: любят и уважают его бойцы. Да и не только бойцы, а и крестьяне, всё население. Поговорит крестьянин с Василием Ивановичем и сразу увидит, поверит: побьёт Чапаев белогвардейцев! Выступит Чапаев с речью — всё кругом затихнет. Как будто и обыкновенные, простые слова говорит, а слушают его так, что боятся дышать громко. Любит народ своего героя.

Молодой красноармеец перебил думы Фурманова:

— Вчера подивился я на Чапаева, как он вышел в круг плясать. Пояс на себе поправил, шашку подхватил да как пойдёт! Только шпоры звенят да папаха назад валится.

— За то и люб он бойцам, — ответил Еремеев. — Сегодня он из одного котелка с тобой похлебает, под гармонь вместе спляшет, а завтра в бой поведёт — гроза-командир. И тут уж ему слова напротив не скажешь. Да и что говорить! С ним идёшь — не боишься. Знаешь, что у Чапаева всё обдуманно, всё рассчитано да на карте измерено. Ошибки у него в бою не бывает.

Начинался рассвет.

Фурманов поднялся от костра, жалея, что не может дослушать до конца разговор красноармейцев. Он решил, что бойцы его так и не узнали.

Но как только он ушёл, Еремеев проговорил:

— Новый комиссар. Фурманов — фамилия. Василий Иванович его признал, да не сразу. Тот приехал: «Вот мои бумаги». А Чапаев ему: «Я командира и комиссара в бою признаю». Бумаги, мол, бумагами, а ты покажи себя под пулями. Ну, а теперь признал Василий Иванович комиссара. Теперь они друзья-товарищи.

Красноармейцы замолчали и стали прислушиваться.

— Поёт... — сказал вполголоса парень. — Ух, и любит песню!

И в самом деле, в избе затянули песню.

Это была любимая чапаевская: «Сижу за решёткой в темнице сырой».

Запевал сам Василий Иванович.

Командиры и красноармейцы дружно подтягивали: эту песню знали в дивизии все.

Но пели недолго.

Чапаев на рассвете уезжал вместе с командирами на передовые позиции: ждали большого боя.

Чапаев подошёл к своему коню и легко вскочил в седло.

Вольный ветер прилетел из степи, донес запах цветов и скошенной травы. Солнце подымалось над росистой, остывшей за ночь землёй.

БОЙ

Впереди виднелась станица.

Она была занята уральскими белоказаками. Слева от станицы, на холмах, стояли высокие ветряные мельницы.

Чапаевцы наступали с трех сторон: два полка обходили станицу с боков, а посередине, в самом опасном месте, шёл полк иваново-вознесенских рабочих.

Белые начали пулемётный обстрел раньше, чем можно было ожидать. Но пули неслись не из станицы. Пулемёты противника били с высоких ветряных мельниц, стоявших в стороне на холмах. Чапаев привстал на стременах и зорко глядел в бинокль. Рыжий конь горячился под ним, не хотел стоять на месте. Чапаев повернул его и поскакал в ту сторону, где стояли тяжёлые орудия. На всём скаку

он махнул рукой командиру батареи, и тот подбежал к нему выслушать приказ.

— Бить во ветрякам! — закричал Чапаев.

Командир бегом бросился к своей батарее. Теперь орудия гремели с обеих сторон. Казалось, само небо готово расколоться.

А Чапаев скакал уже в другом конце поля. Черная бурка его распласталась по ветру, как крылья.

Иваново-вознесенцы услышали позади себя его голос:

— Пулемёты в порядке? Патронов хватает?..

И бойцы, чувствуя, что Василий Иванович неподалеку, смотрели веселей, старались подтянуться, выглядеть молодцами, походить на него самого.

Бой разгорался.

Вдали пылала ветряная мельница — её зажгли снаряды нашей артиллерии. Сквозь шум боя с холмов доносился громкий треск: взрывались в огне пулеметные ленты.

То тут, то там с оглушительным грохотом вырастал черно-рыжий куст огня. Санитары подбирали первых раненых.

Вдруг бойцы замерли: неприятельский снаряд разорвался на том самом месте, где находился Чапаев.

Все видели, как поднялся на дыбы его рыже-золотистый конь и пропал из глаз вместе с всадником.

Но рассеялся чёрный дым, и видят бойцы — скачет вдоль цепи Василий Иванович невредимый. Осколки снаряда пролетели вокруг него дождём, а его самого не задели.

Со стороны станицы слышались крики, гиканье, топот: то летела в атаку конница белых.

Красные пулемётчики припали к пулемётам и ждали. Раздалась команда:

— Огонь!

Грянул залп. И тут же застучали пулемёты.

Вот упал один белогвардеец, другой, взвилась на дыбы раненая лошадь и запрокинулась на спину. Другая лошадь носилась как безумная по полю под выстрелами и тащила за собой казака: видно, он, когда падал, не успел вынуть ногу из стремени.

— Огонь!!

Снова залп. И сухой треск пулемёта.

— Огонь!!!

Над холмом поднялось огромное багровое знамя: сбита была нашим орудием и запылала вторая мельница.

Ещё два залпа дали чапаевцы. И белые не выдержали — один за другим стали поворачивать коней назад к станции.

В это время послышался тяжкий гул: с левой стороны станции показались два неприятельских броневика. Они были посланы, чтобы смять красноармейские цепи и расстрелять бегущих.

Но случилось то, чего никак не ожидали враги.

Броневики были уже близко, а цепь иваново-вознесенцев не дрогнула. Она только слегка раздвинулась и пропустила их. Когда один из броневиков был совсем рядом, красноармеец Андрей Крутов поднялся во весь рост и кинул гранату под колёса. Раздался треск, и броневик застрял на месте, окутанный чёрным дымом. А другой круто повернул назад.

Теперь горели уже все три ветряка. Ветер раздувал пламя. Пулемёты со стороны мельницы замолкли.

Из станицы снова вылетела конница противника. Теперь, на близком расстоянии, она была для пехоты страшной.

Но тут в цепи красных послышались радостные возгласы:

— Чапай! Чапай!..

Отведя в сторону правую руку с остро отточенной шашкой, он весь перегнулся вперёд и как будто хотел опередить своего скакуна, который и так летел далеко впереди эскадрона.

Не только наши бойцы узнали Чапаева. Узнали его и белые. И вот, один за другим, белоказаки стали поворачивать коней назад.

Напрасно размахивал саблей офицер. Напрасно старался он остановить своих всадников.

Ещё минута — и вслед за конницей иваново-вознесенцы ворвались в станицу.

За станичной улицей расстилался степной простор. И увидели герои-бойцы, как далеко в степи скачут, поднимаемая пыль, всадники: то спасались бегством остатки белых.

ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Победили чапаевцы белоказаков и в начале 1919 года двинулись в поход против Колчака.

Царский адмирал Колчак шёл в то время из Сибири в Москву. У него была огромная армия.

Но скоро колчаковцы почувствовали на себе удары Чапаева. Колчак отступил за реку Белую и укрепился там на высоком берегу, у города Уфы. А на другом — низком — берегу реки стояла дивизия Чапаева.

Чапаев не терял ни минуты. Бойцы вязали из брёвен плоты, готовились к переправе. Раздобыли несколько лодок. А тут из села Красный Яр прибыла радостная весть: там отбили у белых два парохода.

— Ну, теперь Колчаку не зацепиться, — сказал один из красноармейцев. — Так теперь и покатится из Уфы в Сибирь.

Он поглядел вперёд. Там, за рекой, высилась песчаная гора. На ней видны были дома, казавшиеся издали совсем крошечными. Среди них коричневым столбиком торчала пожарная каланча.

Чапаев подошёл тихо и глядел, посмеиваясь, на красноармейцев.

— Что, высокая гора? — спросил он.

Красноармеец быстро повернулся и увидел Василия Ивановича. Он покраснел, глянул опять на уфимскую гору и ответил:

— Ну что ж, что высокая! Всё равно не зацепится Колчак за неё.

Над берегом, где стояли чапаевцы, появился вражеский самолёт и принялся обстреливать переправу.

Как раз в это время приехал командующий фронтом товарищ Фрунзе. Он привез приказ Ленина — во что бы то ни стало взять Уфу и отбить у Колчака Урал с его заводами и железными дорогами.

Чапаевцы были уверены в победе.

Первым переправился через реку у Красного Яра рабочий Иваново-Вознесенский полк. Но скоро ему пришлось остановиться: нужно было подождать подкрепления, помощи.

А в это время Колчак повел наступление.

Ивановцы, обороняясь, расстреляли почти все патроны и стали отходить назад, к реке. Вдруг к ним подскакали несколько всадников. Один из них быстро соскочил с коня, схватил винтовку и пошёл впереди полка. Бойцы узнали в нём Фрунзе.

И таким бешеным был на этот раз натиск героев-ивановцев, что колчаковцы дрогнули и снова отступили.

Однако Колчак не хотел отдавать Уфу без решительного сражения. Целый день шёл кровавый бой. Успех был то на одной, то на другой стороне.

В этом бою Чапаева опасно ранили. Вот как это было.

Над берегом, где переправлялись чапаевцы, кружил вражеский самолёт. Спустившись как можно ниже, он открыл огонь из пулемёта. Одна из пуль попала Чапаеву в голову. Кровь залила ему лоб. Он пробовал шутить: «Ничего, мне кровоупускание полезно», — а сам зубы стиснул от боли.

Шесть раз пытались вытащить пулю — и шесть раз она срывалась: так крепко засела. Наконец кончили перевязку. Хотели Чапаева отправить в лазарет на лечение, но он отказался и остался в строю.

Тогда же чуть не погиб Фрунзе: взрывом бомбы под ним убило лошадь, а его самого оглушило.

Вечером к чапаевцам пробрался через фронт уфимский рабочий. Он рассказал, что ему удалось подслушать разговор белых генералов. Генералы решили рано утром бросить против красных самые сильные колчаковские части.

Это были самые отборные части — они состояли сплошь из офицерских полков, ни одного солдата в них не было: офицеры шли в бой как рядовые, а командовали ими генералы. Они должны были на рассвете прорваться через позиции красных, окружить дивизию Чапаева и уничтожить её.

Всю ночь чапаевцы готовились к встрече неприятеля. Никто из бойцов не спал в эту ночь.

Рано утром тихо-тихо, бз единого возгласа, без лязга оружия, стали приближаться к нашим позициям офицерские полки. Они надеялись незаметно подойти к сонным заставам, переколоть, напугать, уничтожить... Но когда они были уже близко от наших цепей, со всех сторон, по команде, заработали десятки готовых к бою пулемётов.

Лучшие полки Колчака были уничтожены этим огнём. Офицеры частью полегли в поле, среди спелой истоптанной ржи, а частью бежали.

9 июня 1919 года чапаевцы выполнили приказ Ленина: Уфа была взята.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧАПАЕВА

Но борьба ещё не была закончена. С юга снова начали наступать вражеские войска. Они окружили город Уральск, и Чапаев снова пошёл на них в поход. Он отогнал белых от города Уральска и занял город Лбищенск. За Лбищенском на сотни верст кругом тянулась степь.

Белоказаки, отступая, уничтожали всё на своём пути. Колодцы засыпали землёй или отравляли ядом. Бойцы

Чапаевской дивизии мучились от голода и жажды. Хлеб сюда не подвозили неделями.

Красноармейцы собирали в степи зерно, размалывали его прикладом винтовки на камне или на колесе тачанки и ели. От голода и жажды начались болезни.

И все-таки чапаевцы шли вперёд.

Дальше начинались пески.

Белые хорошо понимали, что если они отступят дальше, то им конец: в песках не найдешь ни корма лошадям, ни глотка воды. Тогда они решились на отчаянную попытку — уничтожить Чапаева.

Победить его в открытом бою они не надеялись. Поэтому составили план — захватить его врасплох, ночью.

Василий Иванович со своим штабом остановился в Лбищенске, а всю дивизию послал вперёд. С ним остался только небольшой отряд бойцов.

И вот однажды ночью разъезды белых тихо подобрались к Лбищенску и перебили часовых. За разъездами появились казачьи полки. Потом выяснилось, что белым помогла чья-то измена в штабе Чапаева: кто-то предательски снял с ночного дежурства роту курсантов.

Опасность поздно была замечена чапаевцами — белые уже скакали по улицам, стреляя во все стороны.

Чапаев выскочил во двор полуодетый, с винтовкой в одной руке и револьвером — в другой.

Возле него скопилась кучка бойцов. Они стали отстреливаться. Это был неравный бой, но кончился он не скоро.

Чапаевцы и не думали бежать, хотя врагов было во много раз больше. Они напали на казаков-пулемётчиков. Это нападение было таким решительным и неожиданным, что враги не выдержали и бежали. В руках чапаевцев оказались два пулемёта. Они были повернуты против белых.

Враги поняли, что открытой атакой им чапаевцев не взять. Тогда они стали пробираться через сады и огороды, по задворкам, чтобы окружить красноармейцев.

Когда белогвардейцы показались сзади, чапаевцам пришлось отступить. Отстреливаясь, они стали отходить к берегу реки Урала.

Идти туда надо было в гору, на виду у белых. С горы берег обрывался прямо в волны Урала.

Но больше отступать было некуда: всюду пулемёты врагов.

Чапаев ушёл последним — когда кончились патроны. Пуля пробила ему руку. Он вытер этой рукой своё разгорячённое лицо и оставил на лбу кровавые следы.

Пётр не отходил от него ни на шаг. Он заметил кровь на лице Чапаева и сказал:

— Василий Иванович, голову бы перевязать...

— Голова цела, — отрывисто ответил Чапаев.

Вот и высокий обрыв над рекой. Бойцы помогли Чапаеву спуститься по песчаному крутому обрыву вниз, к реке. Несколько человек отстреливались, задерживая наступление белоказаков.

А как глянули чапаевцы в быстрые волны Урала — у всех замерло сердце: ясно стало, что усталым, израненным бойцам не переплыть реку, не уйти от вражеских пуль.

Но Чапаева надо было спасти во что бы то ни стало. Четыре человека охраняли его со всех сторон.

Двое были скоро убиты — пули белых настигли их у самой воды. Двое других поплыли рядом с Чапаевым.

Пётр остался на берегу Урала и вступил в перестрелку с казаками. Стреляя, он все оглядывался: видна ли ещё в волнах Урала голова Василия Ивановича. И видел — плывёт Чапаев. С трудом взмахивая здоровой рукой (другая, раненая, висела, как плеть), Чапаев медленно уходил от врагов.

Белоказаки притащили к реке пулемёт и поставили его наверху, на высоком обрыве.

Пулемётные очереди вспенили воду. Все вернее брали прицел белые пулемётчики, все ближе к голове Чапаева падали вражеские пули...

Был убит один из плывущих рядом с Чапаевым бойцов. А Чапаев плыл всё дальше, слабел, выбивался из сил, но плыл.

Пётр на берегу оглянулся в последний раз назад и отшвырнул в сторону свою винтовку: кончились патроны. Враги кинулись с обрыва к нему, но он выхватил заветный свой наган, шесть пуль выпустил вседавших белых, а седьмую — себе в сердце.

А Чапаев всё ещё держался в волнах Урала. Не бежал он! Он уходил от врагов, чтобы на другом берегу собрать подмогу и снова ударить по ним.

Казалось, опасность была уже позади. Близок был берег. Шумела на берегу зелёная осока...

И в это время пуля попала ему в голову...

Уцелел только один спутник Чапаева — второй боец, что плыл через Урал рядом с ним.

Выбиваясь из сил, он вылез на берег и оглянулся назад: бурлил позади Урал, и никого не было видно в его мутных волнах.

Так погиб народный герой Василий Чапаев.

Красные части скоро отплатили врагам за смерть Чапаева. Без остановки гнали они белых по безводным степям до самого Каспийского моря и, разгромив их, освободили от вражеских войск Советскую землю.

Снова проходили бойцы по тем местам, где воевали они когда-то вместе с Василием Ивановичем Чапаевым.

Не верилось им, что нет больше Чапаева: слишком жива была память о нём.

И жить эта память в народе будет до тех пор, пока жив сам народ. А народ бессмертен.

ЗНАМЯ

У пыльной дороги, на дне высохшей канавы, лежали бойцы испанского батальона. Далеко впереди, за деревьями, блестела на солнце вода. Там протекала речка.

Ещё с утра был получен приказ: к часу дня опрокинуть фашистов и отогнать их к реке.

Фашисты стреляли без перерыва. На дороге тут и там взлетали кверху клубки пыли: то падали неприятельские пули. Казалось, нельзя поднять из канавы голову — таким частым был огонь фашистских винтовок.

Вправо от испанского батальона засела в такой же канаве международная бригада. Она состояла из итальянцев, французов, англичан, поляков, шведов. В ней бились против фашистов рабочие разных стран, студенты, писатели, учителя — все те, кто приехал сюда издалека сражаться за правое дело, за испанский народ.

Сейчас они направили огонь из пулемёта на белый домик за деревьями, где засели фашисты. Окна домика были прикрыты деревянными ставнями. Но в них, должно быть, были сделаны дырочки, из которых фашисты обстреливали дорогу. Командир отдал приказ идти в атаку.

Бойцы испанского батальона и международной бригады пошли вперёд с винтовками в руках. Но первые ряды их были сражены пулями фашистов.

Укрыться от пуль было негде. Даже окопаться землёй нельзя: земля здесь была ссохшаяся от жары, потрескавшаяся, похожая на камень.

Бойцы не вынесли жестокого обстрела врага и снова отступили за дорогу.

Теперь было ясно: если сделать вперёд хоть десять шагов, смерти не избежать. А пройти под огнём врага надо было не десять, а полтора-два шагов.

Бойцы легли на землю, боясь поднять голову.

И тут случилось неожиданное. Впереди колыхнулось высокое знамя, на котором был нарисован человек в бурке и косматой папахе. Это было знамя четвёртого испанского батальона. Бойцов этого батальона за отвагу прозвали чапаевцами. И они после этого нарисовали на своем знамени портрет Чапаева.

И теперь все увидели: бежит вперёд по полю человек с этим знаменем. Знамя развернулось по ветру, и на его шелку показалась голова Чапаева в косматой папахе.

По рядам пронеслось:

— Чапаев впереди!

Каждую минуту фашистская пуля могла сколоть знаменосца, но он смело бежал вперёд...

И бойцы, забыв про смерть, кинулись за ним.

Они бежали не останавливаясь, перепрыгивая через тела убитых товарищей:

— Чапаев с нами!

Фашисты с ужасом увидели, что ни огонь пулемётов, ни подоспевшее из-за реки подкрепление их не спасут.

Республиканцы бежали вперёд, а перед ними колыхался на знамени портрет человека с ясными глазами, в косматой бурке.

Из-за белого домика показались трое фашистских солдат; они бросили на землю винтовки и подняли кверху руки. К ним подбежал офицер, что-то крича и размахивая револьвером, но пуля республиканца сбила его.

Через минуту домик, где засели фашисты, был взят. У его входа бойцы испанского батальона поставили своё знамя. На нём был нарисован человек в бурке и папахе.

Юрий
Дмитриев

ГРИГОРИЙ КОТОВСКИЙ

В 1905 году, в период Первой русской революции, Григорий Иванович Котовский организовал в Бессарабии (так называлась раньше часть теперешней Молдавской Советской Социалистической Республики) вооруженный отряд и поднял народ на борьбу с помещиками.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года Григорий Иванович Котовский — командир Красной Армии.

Под его командованием бойцы Красной Армии громили белогвардейцев на фронтах гражданской войны.

Григорий Иванович Котовский был награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени и почетным революционным оружием — шашкой с надписью: «Народному герою Григорию Ивановичу Котовскому. ВЦИК РСФСР».

ВОЛЫ

До соседнего села, где по воскресеньям базар, не так уж далеко. Но жарко печёт солнце. Сухая дорожная пыль поднимается из-под копыт волов. Медленно бредут они. Рядом тяжело ступает хозяин.

Старик ведёт на базар продавать волов. Старые немощные волы, а всё-таки помощники. Но что делать, если самим есть нечего, нечем и скотину кормить.

Задумавшись, старик не заметил, как на дорогу из рощи вышел незнакомый человек. Был он высокого роста, широкоплечий, в лёгком чесучовом пиджаке, надетом поверх тонкой вышитой рубахи, подпоясанный плетёным пояском. Он уже несколько минут наблюдал за стариком.

— Здравствуй, отец! — сказал незнакомец, подходя к старику. — Продавать ведёшь?

Старик посмотрел на незнакомца, вздохнул и опустил голову.

— А много ли хочешь за них?

— Да разве за таких много дадут? — горько усмехнулся старик.

— Верно, отец, за таких много не дадут, — незнакомец провёл рукой по худой спине вола и достал из кармана пачку денег.

— Оставь скотину себе, а это вот возьми, возьми...

— Что Вы, барин! — отшатнулся старик. — Да за такие деньги десяток хороших волов купить можно. Зачем смеётесь надо мной?

— Я не смеюсь, — сказал серьёзно незнакомец, — возьми деньги.

— Не возьму, — замахал руками старик, — я всю жизнь зарабатывал деньги сам...

— Это те деньги, отец, которые ты заработал за всю свою долгую жизнь, — строго сказал незнакомец, и лицо

его стало будто каменным, — бери! Это лишь небольшая часть того, что ты должен был получить.

Старик стоял в нерешительности.

— Хорошо, — снова заговорил незнакомец, и в глазах его зажглись весёлые огоньки, — хорошо! Я покупаю у тебя этих волов и дарю их тебе!

Он сунул в руку растерявшегося крестьянина деньги и зашагал прочь.

— Только будь осторожен с деньгами! — крикнул незнакомец уже издали.

Долго ещё стоял старик, боясь поверить своему счастью. Он привык к горю, привык переносить его молча, ни с кем не делиться. А к радости крестьянин не привык. И, может быть, поэтому он забыл предупреждение незнакомца, что надо быть осторожнее с деньгами.

Не смог старик удержать в тайне то, что с ним произошло.

Через день-два о «добром барине» знали уже по всей округе.

Кто-то вспомнил, что подобный случай произошёл ещё с одним крестьянином-бедняком. Кто-то рассказал еще про одного...

И через несколько дней в селе появились жандармы. Промчались по деревенской улице и остановились у дома старика.

— Показывай деньги, старый хрыч! — ещё с порога крикнул жандармский офицер.

Перепуганный старик достал свёрток и дрожащими руками протянул его офицеру.

— Так это правда?! — увидев деньги, заорал жандармский офицер.

— Правда, истинная правда, — закивал старик, — я сейчас всё расскажу...

— Молчать! Отвечай только, когда спрашивают тебя! Так, значит, ты с бандитами знаешься?

— Никак нет, я не знаюсь с бандитами...

— Врёшь! Говори, где Котовский!

У старика вдруг подкосились ноги. «Так вот кто этот «добрый барин»! Григорий Иванович Котовский! Как это я сразу не догадался?! Конечно же, это он! В народе давно говорят о том, что Котовский отбирает деньги

у помещиков и раздаёт их бедным крестьянам...»

Старик не раз слышал об этом. А когда сам встретился с Котовским — ему и в голову не пришло, кто перед ним стоит.

— Ну, будешь отвечать? — снова подступил к старику офицер.

Старик развёл руками:

— Так откуда мне знать... встретились на дороге и разошлись на той же дороге...

— Может, ты вообще про Котовского ничего не слышал?

— Как не слышать, — усмехнулся крестьянин, — да кто у нас в Бессарабии не слышал о Котовском...

— Ну вот и хорошо, — перебил его офицер. Он вдруг заговорил мягко и вкрадчиво. — Теперь подумай сам: ты получил деньги от Котовского. Думаешь, кто-нибудь поверит, что он дал тебе деньги просто так?! Конечно, нет. Он дал тебе деньги потому, что ты — такой же бандит, как и он...

Крестьянин перебил офицера:

— Никакой он не бандит...

Офицер скрипнул зубами.

— Приметы?! — закричал он. — Говори!

— Чего? — не понял крестьянин.

— Приметы! Как выглядел Котовский? Как он был одет?

— А-а... Это можно, — старик на минуту задумался. Он хорошо запомнил «барина». — Так вот, значит, Котовский этот самый... Или кто он там был... Невысокий. Худой. С рыжими усами...

Старик не успел закончить: офицер наотмашь ударил его по лицу. Офицер понял, что старик обманывает его.

Потом крестьянина били жандармы. Били по приказу офицера.

Потом его уговаривали, ему грозили, снова били, предлагали денег, много денег, но он стоял на своём.

Потом старика увезли. Он не вернулся домой. Но не вернулись домой и многие жандармы: отряд Григория Ивановича Котовского встретил карателей и почти целиком истребил их.

И снова дрожали помещики, бесновались жандармы.

Но не нашлось предателя среди крестьян. Ни деньги, ни угрозы, ни сама смерть не могли заставить их выдать своего защитника.

А Котовский со своим отрядом, как вихрь, носился по степям Бессарабии.

Шёл 1905 год...

«НОГИ ВВЕРХ!»

Опустели имения бессарабских помещиков. Напуганные котовцами, бросали помещики свои имения и бежали в Кишинёв, под защиту кишинёвского военного гарнизона. Особенно боялись Котовского те, кто жестоко обращался с крестьянами.

Но один богатый помещик, прославившийся своим жестоким обращением с крестьянами, не уехал в Кишинёв. Он по-прежнему жил в своём имении.

Этот помещик дал много денег военному командованию, и в его имение был направлен для охраны отряд солдат.

Солдаты выставили вокруг имения посты, расставили пулемёты и в любую минуту готовы были встретить котовцев.

Прошло уже довольно много времени, а Котовский со своим отрядом не показывался около имения. Помещик так расхрабрился, что даже решил устроить в своём имении бал и многим помещикам послал приглашения. Но в назначенный день к воротам усадьбы подъехало всего несколько колясок — все окрестные помещики были в Кишинёве.

Гости наперебой хвалили хозяина, восхищались его храбростью, ругали Котовского. Хозяин слушал и довольно улыбался.

Среди гостей был молодой священник. Хозяин имения не знал его раньше, но накануне бала священник явился к нему и представился, сообщив, что назначили его в находящуюся в соседнем селе церковь. Помещик пригласил священника на бал.

Священник с любопытством оглядывал гостей, рассматривал комнаты, картины, висевшие на стенах, инте-

ресовался, как построен дом, велик ли сад вокруг. Это забавляло хозяина, и он всё показал любопытному священнику.

За ужином хозяин болтал без умолку. Разговор шёл всё время о Котовском.

— Почему я не уехал? — рассуждал помещик. — Я вам могу сказать. Потому что я умнее всех. И хитрее. Да, хитрее. Вот мои соседи убежали в Кишинёв, а бандит Котовский ворвался в их имения, отдал всё крестьянам. Помещики сами виноваты. Конечно, солдаты обошлись мне недёшево. Да, содержать отряд стоит немалых денег! Но все-таки это дешевле, чем потерять имение. Пройдет еще немного времени, и Котовского поймают. Не боюсь я Котовского! — кричал он, всё больше распаляясь. — Что мне Котовский? Он меня боится, а не я его!..

— Неужели боится? — не выдержал молодой священник.

— А как же?! Пусть только сунется — здесь его ждёт такое, что и ноги не унесёт! Да и не подойдёт он даже близко к имению — его встретит свинцовый дождь! Скажу вам по секрету, господа, что тут даже имеется замаскированная пушка. Она ка-ак ударит! Ого! От Котовского только пыль останется! Но представьте себе, господа, что Котовский незаметно пробрался в мой дом. И приходит ко мне. И говорит: «Молчать! Руки вверх!» Что делать? Я, конечно, молчу и поднимаю руки вверх! А сам незаметно нажимаю ногой кнопку, вот тут у стола. И сейчас же раздаётся сигнал тревоги. И вбегают солдаты. И всё — нет больше Котовского! Ловко?

— Гениально! — пробасил один из гостей и нагнулся, чтоб посмотреть на кнопку.

Хозяин с гордостью показал своё изобретение.

— Значит, вам он — руки вверх, а вы ногой — кнопку? — с улыбкой переспросил священник.

— Именно так, батюшка! — засмеялся помещик. — Ну, что вы скажете на это?

— Ноги вверх! — вдруг резко сказал священник, и хозяин увидел направленный на него ствол револьвера. — Ноги вверх! На стол! — приказал священник. — Живо!

Хозяин и гости неуклюже откинулись на спинки стуль-

ев, подняли ноги и положили их на стол.

— Что это значит, батюшка? — дрожащим голосом спросил помещик.

Священник свободной рукой сдернул с головы парик: — Это значит, что я — Котовский.

* * *

В 1917 году свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Партия большевиков посылает Григория Ивановича Котовского в 1918 году в Одессу, которую заняли английские и французские интервенты. Там Котовский организует подпольную боевую дружину.

НЕОБЫЧНЫЙ ВИЗИТ

В Одессе на одном заводе началась забастовка.

Рабочие требовали увеличения заработной платы.

Хозяин завода вызвал полицию, и зачинщиков арестовали.

Узнав про это, Котовский написал хозяину письмо, в котором предложил удовлетворить требования рабочих, а зачинщиков освободить.

Хозяин нервно ходил по кабинету, то и дело поглядывая на сидевшего за столом жандармского офицера. Хозяину казалось, что офицер слишком молод и неопытен, что он слишком медленно читает письмо, что он слишком невозмутим. Наконец хозяин не выдержал:

— Ну, что вы скажете на это?

Офицер отложил письмо, покрутил ус и решительно встал.

— Я думаю, что вы можете быть спокойны. Ваш дом под надёжной охраной, и Котовский сюда не сунется. Он просто решил напугать вас.

— Позвольте, что значит — напугать? Это тот самый Котовский, который был в Бессарабии?

— Так точно. Тот самый, — ответил офицер и, козырнув, вышел.

Через день к дому хозяина завода подкатил роскошный экипаж. В нём сидел важный барин. Не торопясь, он вышел из коляски и тихо сказал шедшему навстречу офицеру:

— На дом готовится нападение...

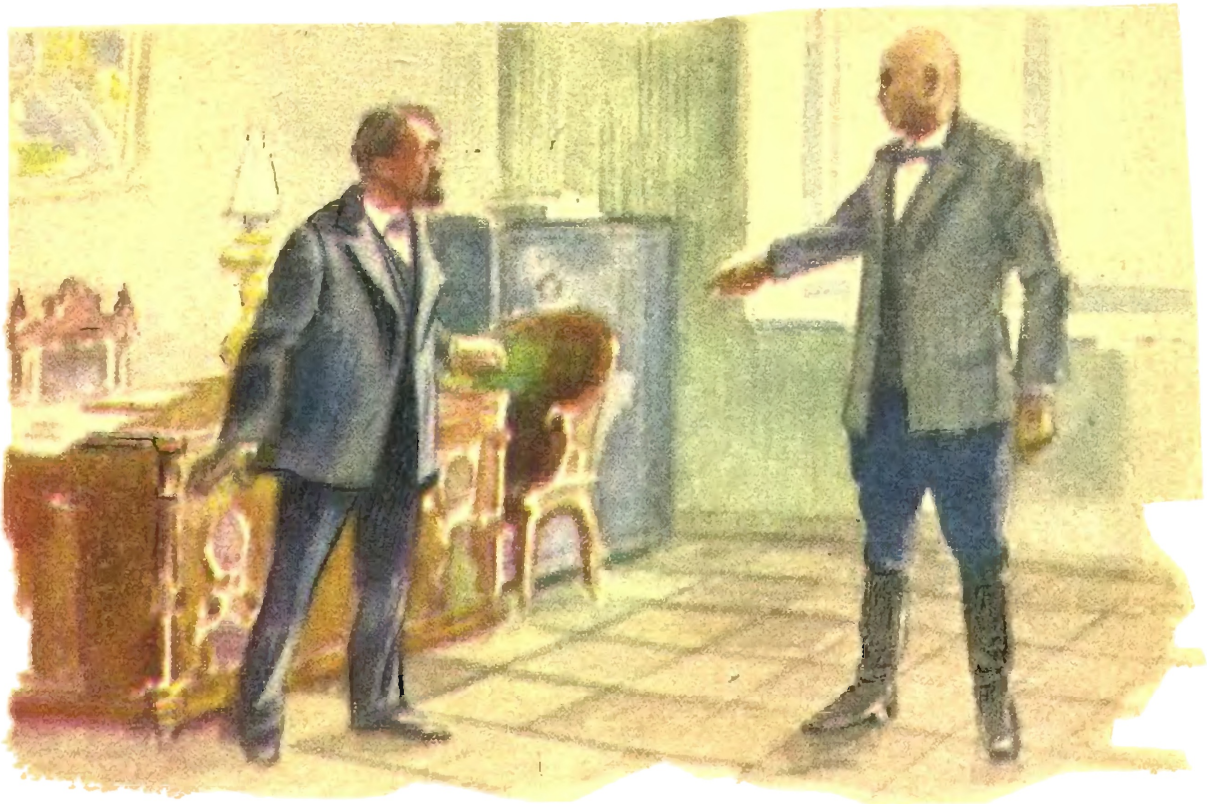
— Котовский? — быстро спросил офицер.

— Он, — ещё тише сказал барин, — будьте внимательней. А я осторожно предупрежу хозяина... Чтоб он не умер с перепугу, — чуть усмехнувшись, добавил барин.

Он прошёл через двор, поднялся на второй этаж дома и, без стука войдя в кабинет хозяина, плотно прикрыл дверь.

— С кем имею честь? — хозяин вышел из-за стола и, вставив в глаз монокль, внимательно рассматривал вошедшего. — С кем имею честь разговаривать? — повторил он.

— С Котовским! — ответил гость.

Хозяин побледнел.

— Не пугайтесь, — усмехнулся гость, — вы ведь под надежной охраной! — Он оглядел кабинет. — Откройте, — кивнул Котовский на стальной шкаф, стоящий в углу. — Прошу вас, поскорее. И отойдите от телефона! — приказал он.

Хозяин подошёл к сейфу и открыл его.

— Берите! — задыхаясь, прохрипел он.

— Нет уж, вы, пожалуйста, сами принесите сюда деньги.

Хозяин выполнил приказание.

— Завтра все требования рабочих должны быть удовлетворены, — сказал Котовский, пряча деньги. — Если вы этого не сделаете — вторая наша встреча для вас будет ещё более печальной. Ясно? А теперь можете звонить в полицию.

Котовский не спеша спустился по лестнице, вышел во двор и увидел притаившихся за оградой солдат с винтовками в руках и офицера, внимательно следящего за улицей.

— Я предупредил хозяина, — тихо сказал Котовский офицеру, — сейчас еду за подкреплением. Держитесь в случае чего!

Барин сел в экипаж, помахал офицеру рукой и что-то сказал кучеру.

Прошло несколько минут, пока хозяин пришел в себя и судорожно схватил трубку телефона.

— У меня Котовский! Помогите!

Отряд казаков на полном скаку влетел на улицу. Увидев всадников, офицер не стал ждать, когда они приблизятся к дому.

— Огонь! — скомандовал он, и тотчас же грянул залп.

Казаки открыли ответный огонь: они решили, что бойцы Котовского захватили особняк и засели в нём.

Когда казаки и солдаты поняли свою ошибку, с обеих сторон были уже убитые и раненые.

Власти не только были взбешены, но и напуганы... Шутка ли, Котовский, которого ищут, разгуливает по городу и ведет себя так, как будто он самый главный хозяин в Одессе!

Но больше всего был напуган сам хозяин завода! На другой же день он выполнил все требования рабочих и даже упросил полицию выпустить арестованных.

А деньги, отобранные у хозяина, Котовский передал в подпольный революционный комитет, который и раздал их семьям бастовавших рабочих.

БАРЖА

Красная Армия всё ближе подходила к Одессе.

Белогвардейцы надеялись остановить Красную Армию у города — ведь там, в Одессе, находились могучие эскадры интервентов. Но интервентам было не до сражений: под влиянием одесских большевиков всё больше и больше иностранных солдат отказывалось воевать против молодой Советской Республики. И было решено срочно вывести войска из России.

Французская эскадра уже готовилась выйти в море. Белогвардейское командование тоже начало готовиться к эвакуации города. Но перед тем как бежать из Одессы, белогвардейцы решили уничтожить арестованных подпольщиков, томящихся в тюрьмах. И тогда они привезли

их в порт, посадили на старую баржу, чтобы тайно вывести в открытое море и там утопить.

Ночью к барже подошёл небольшой катер. Невидимый в темноте человек окликнул часового на барже:

— Где командир охраны?

Часовой вызвал офицера.

Немедленно выходим в море! — крикнул человек с катера.

— У меня нет приказа, — ответил офицер.

— Приказа? — рассердился человек с катера. — Вы что, не слышите стрельбы? Сейчас красные будут здесь!

Офицер прислушался.

— Нет, я не слышу стрельбы.

— Хорошо, — спокойно ответил человек с катера, — сейчас я вам покажу приказ!

Он легко перескочил на борт баржи и в ту же секунду сбил офицера с ног.

Молниеносно на палубе баржи появилось ещё несколько человек. Часовой даже не успел вскинуть винтовку. Других охранников так же быстро и бесшумно обезоружили.

Буксир и баржа взяли курс в открытое море, и вскоре заключенных высадили на пустынном берегу. Там, в условленном месте, их ждали товарищи. Они помогли спрятаться в надежных местах до освобождения города Красной Армией.

Ни на буксире, ни на барже не слышали сигнала тревоги, раздававшегося в порту, — только вспышки прожекторов были видны издали. Но на буксире поняли: в порту обнаружили пропажу судна. Несколько быстроходных катеров помчалось в открытое море как раз в тот момент, когда баржу покидали последние заключенные.

Через час катера обнаружили полузатопленную баржу недалеко от берега и лежащих на песке связанных офицеров и солдат охраны. А Григорий Иванович Котовский уже шагал к окраине города, где его ждали дружинники.

Эту боевую дружину Григорий Иванович Котовский организовал по заданию подпольного ревкома. И когда Красная Армия подходила к Одессе, дружинники Котов-

ского ударили по белогвардейцам с тыла и помогли освободить город.

Но в августе 1919 года Одесса была снова занята деникинцами. Однако недолго пришлось им хозяйничать: Красная Армия в начале 1920 года подошла к Одессе.

И случилось так, что Котовскому, теперь уже командиру бригады, снова пришлось побывать в Одессе.

ДВЕ СУББОТЫ

Деникинцы отступали, яростно сопротивлялись. Наши войска с боями подошли к Одессе и остановились, собираясь с силами. Комбриг Котовский явился к начальнику дивизии и попросил разрешения продолжать наступление.

В штабе дивизии было много народа, и оба командира вышли на улицу. Стояла морозная ночь начала февраля 1920 года.

Два боевых командира шли по главной улице спящего города Вознесенска.

— Если потерять хоть один день, нелегко будет взять Одессу, — говорил Котовский. — Враг успеет укрепиться.

— У нас одна бригада, шестьсот сабель, — с сомнением покачал головой начдив. — У врага в Одессе десять тысяч солдат. Подождите, подойдёт сорок первая дивизия, тогда вместе...

— Десять тысяч! — горячился Котовский. — Но что это за тысячи! Это же потрёпанная и охваченная сейчас паникой армия! И нельзя дать ей прийти в себя!

— Ваши бойцы тоже устали, — возразил начальник дивизии.

Ему очень хотелось согласиться с Котовским, но необходимо было все взвесить и проверить.

— Мои бойцы устали?! — Котовский круто повернулся и повел начдива по узкой улице.

Вдруг впереди появилось множество красных точек, то ярко вспыхивающих в темноте, то затухающих.

— Что это?

— Цигарки, — ответил Котовский. — Это бойцы моей бригады ждут команды идти на Одессу.

Начдив засмеялся и крепко пожал руку Котовского.

Наутро бригада была готова к наступлению. Выстроенная, она совсем не казалась малочисленной. Может быть, суровые и немного торжественные лица бойцов придавали ей какую-то особую силу.

...Противник не ожидал внезапной атаки.

В городе началась паника. По широкой Потёмкинской лестнице мчались, забыв обо всём, бывшие министры и генералы, миллионеры и заводчики, купцы и коммерсанты. Спешно отваливали от одесской пристани пароходы, увозя вчерашних хозяев.

А с окраин шли навстречу котовцам настоящие хозяева страны — рабочие люди. В этом бою котовцы захватили несколько тысяч пленных, большие трофеи, но главное — освободили город.

* * *

Оставив своего Орлика на попечение коновода, Котовский отправился в город. Он шёл по знакомым улицам, где с каждым домом, с каждым камнем связаны были воспоминания. Котовский вышел на Приморский бульвар. Потёмкинская лестница ещё хранила следы поспешного бегства белых.

Остановившись, Котовский стал задумчиво рассматривать два совершенно одинаковых здания с полукруглыми фасадами.

— Архитектурой любуетесь? — спросил его подошедший комиссар бригады.

— Нет, — серьёзно ответил Котовский, — вспоминаю: вот здесь, в этом здании, три с половиной года назад, в 1916, я был приговорён к смертной казни... Потом заменили пожизненной каторгой. Я хорошо запомнил тот день. Тогда была суббота...

— Суббота? Так сегодня же тоже суббота! Эту субботу они запомнят! — комиссар повернулся к морю.

Но на горизонте даже дымков ушедших пароходов уже не было видно.

БАТАРЕЯ

Бой за переправу через Десну у города Чернигова длился несколько часов. Но силы были слишком неравными, и к вечеру бригада, которой командовал Григорий Иванович Котовский, получила приказ отойти на новые позиции. Через реку переправлялись почти в полной темноте, всю ночь готовили новые позиции, а утром, едва рассвело, Котовский вместе с комиссаром уже объезжал новые позиции бригады.

Котовский понимал, что бойцы измучены, что им нужен отдых, но он понимал и то, что бригада держит крайне важный участок фронта. Поэтому комбриг особенно придирчиво осматривал открытые окопы, особенно внимательно вглядывался в лица людей.

В ложбинке, где должна была стоять артиллерийская батарея, он увидел лишь пушку и группу людей, расположившихся вокруг неё. Пришпорив своего лихого Орлика, Котовский подлетел к орудию и на полном скаку остановил лошадь.

— Ну? — коротко бросил Котовский.

Бойцы молчали.

— Где командир батареи?

Пожилой человек выступил вперёд.

— Можете ничего не говорить, — Котовский наклонился и попытался заглянуть в лицо артиллеристу, но тот низко опустил голову.

— Стыдно?

Артиллерист молчал.

— Значит, артиллеристы в моей бригаде — трусы, — негромко, как бы про себя, сказал Котовский.

Артиллерист вздрогнул, будто его ударили нагайкой, и, резко вкинув голову, прямо взглянул на Котовского.

— Мы не трусы! Мы отстреливались до последнего снаряда. Но во время переправы в темноте неожиданно налетел эскадрон казаков...

— И вы бросили орудия, — перебил Котовский.

—...И захватили наши орудия, — тихо закончил артиллерист. Он ещё раз взглянул прямо на комбрига, и ему показалось, что в глазах Котовского уже нет того грозного блеска, который был минуту назад.

— Ну, напал эскадрон, ну захватили орудия, — кивнул Котовский, — а вы что, обратно отбить постеснялись, что ли?.. Он помолчал и тихо добавил: — А вот через час-другой начнётся бой, и белоказаки начнут бить нас из наших же орудий. Вы...

— Я старый солдат, — тихо сказал артиллерист, — и знаю, что меня надо судить.

— Судить? — переспросил Котовский. — Нет, судить вас не будут!

Он снова пришпорил Орлика и взлетел на ближайший холм. С него хорошо были видны позиции врага. Вскинув бинокль, Котовский внимательно осмотрел их и вернулся к артиллеристам.

— Батареи врага стоят вон там, — он указал рукой на небольшую рощицу. — Берите своих бойцов и без орудий не возвращайтесь. Как вы отобьёте их — это ваше дело. Но, по-моему, враг не ожидает нападения, и внезапность решит исход дела.

— Непосильную задал ты людям задачу, — сказал комиссар бригады, когда они выехали из ложбины.

Комбриг ничего не ответил. Скоро они снова очутились на вершине холма, откуда были хорошо видны позиции казаков.

Котовский натянул поводья и повернулся к комиссару:

— Слушай, комиссар, ты сейчас поедешь вон туда, возмёшь два эскадрона и ударишь с ними по роще справа. А я ударю слева. Всё ясно?

Комиссар широко улыбнулся.

— Ну, что улыбаешься? — спросил Котовский. — Или ты всё ещё думаешь, что я так вот, зря, пошлю людей на смерть, дам им непосильное задание? Между прочим, комиссар, для меня люди дороже любого орудия. Но они должны знать: в бригаде Котовского трусов нет, не было и не будет!

Котовский проводил глазами комиссара и повернулся к ординарцу. Скоро у подножия холма выстроились готовые к атаке эскадроны. Котовский поднял бинокль и увидел артиллеристов.

Артиллеристы продвигались к берёзовой рощице. Они знали, что в роще немало вражеских солдат, что бой будет тяжёлым и, возможно, никому из атакующих не

придётся доложить комбригу о выполненном задании. Но они знали и другое: в бригаде Котовского не было, нет и не будет трусов.

Котовский не спускал глаз с артиллеристов. Вот они уже почти подобрались к роще. Ещё один бросок...

— Пора! — тихо сказал Котовский и вынул из ножен шашку.

Эскадроны ворвались в рощу, когда вражеские солдаты обнаружили приближение артиллеристов и открыли по ним оружейный огонь. Но белоказаки успели дать лишь один залп — эскадроны смяли белогвардейцев и так же неожиданно, как появились, исчезли, предоставив артиллеристам заканчивать бой.

Поздно вечером командир батареи явился к Котовскому и доложил, что орудия, потерянные накануне, отбиты, и вместе с ними захвачено ещё несколько орудий врага.

— Спасибо, — Котовский протянул руку артиллеристу.

— Нам помогли конники...

— Я это знаю, — улыбнулся Котовский.

Артиллерист тоже улыбнулся: они поняли друг друга.

— Передайте бойцам мою благодарность.

— Но ведь без вас, Григорий Иванович, мы бы ничего не сделали...

— А разве я без вас могу что-нибудь сделать? Каждый сам по себе — ничего не сделает. А вместе — мы такая непобедимая сила, которая... — он на секунду задумался, подыскивая нужное слово.

— Которая называется Красная Армия, — быстро сказал артиллерист.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

После многодневных непрерывных боёв бригада расположилась на отдых неподалёку от города Казатина. Посланная разведка вскоре донесла: в город движется отряд петлюровской кавалерии. Нельзя упускать врага, когда он сам идёт навстречу, да и уклониться от боя не в правилах Котовского.

Хоть и устали бойцы, хоть и трудно идти в бой на утомлённых конях, — все понимали: враг должен быть

разгромлен. А когда сам комбриг на своём Орлике с обнажённой шашкой повёл бойцов в бой — не было такой силы, которая могла бы устоять перед ними. Сделав крюк, котовцы зашли бандитам в тыл и неожиданным ударом смяли их. Часть бандитов была уничтожена, часть взята в плен.

К городу подходили рано утром. В этот час все обычно ещё крепко спят, но в бинокль командир увидел людей, собравшихся у въезда в город. Посланный разведчик доложил:

— Какая-то делегация. Хлеб-соль вынесли. Музыканты...

— А что за народ?

— Буржуи, — махнул рукой разведчик. — Порубить бы их, — решительно добавил он.

— Ну, ну! — строго погрозил Котовский и, повернувшись к комиссару, сказал: — Ясно, петлюровцев ждут. — Подумав секунду, он улыбнулся и что-то тихо шепнул комиссару.

Тот тоже улыбнулся, весело тряхнул головой и направился к бойцам.

Через полчаса колонна всадников подходила к городу. Впереди ехали командиры, за ними — оркестр с ярко сверкающими трубами, потом строго по эскадронам — бойцы.

Едва первые всадники приблизились к толпе — человек в цилиндре и золотом пенсне махнул рукой. Городской оркестр грянул туш. Потом без перерыва заиграл гимн царской России «Боже царя храни». Колонна остановилась. После гимна человек в цилиндре снова махнул рукой, и маленький толстяк, местный богач, сразу угадав в Котовском командира, протянул ему на медном подносе каравай хлеба. Котовский взял каравай, передал его ординарцу и тоже махнул рукой.

В утреннем воздухе грянула медь труб. Сверкнули выхваченные из ножен и взятые на караул клинки командиров. Над колонной, с треском развернувшись, затрепетало красное знамя. Оркестр заиграл «Интернационал». Под звуки пролетарского гимна бойцы Котовского вошли в город. Так ещё в одном городе была установлена советская власть.

Разбит Деникин, разгромлен Колчак, сброшен в море Врангель. А контрреволюция всё ещё не хотела мириться со своим поражением. И в бывшей Тамбовской губернии появляется новый фронт — вспыхивает кулацкое восстание, возглавляемое Антоновым. И снова котовцы идут в бой за власть Советов.

«АТАМАН ФРОЛОВ»

Котовский вошёл в штаб, когда командующий войсками Тухачевский, склонившись над картой, обсуждал что-то со своим помощником. Увидев вошедшего, командующий очень обрадовался.

— Очень кстати, Григорий Иванович! Мы как раз говорили о вас...

Котовский вопросительно посмотрел на Тухачевского, потом перевёл взгляд на карту, испещрённую множеством стрелок и значков. Тухачевский взял карандаш.

— Вот здесь, в этом лесу, — командующий слегка коснулся карандашом карты, — засела банда Матюхина. У него пятьсот сабель.

— Ясно, — кивнул головой Котовский, — прикажете готовиться?

— Погодите, — помощник командующего поднял голову от карты. — Тут дело обстоит не совсем просто. Дело в том, Григорий Иванович, что банда Матюхина находится в хорошо знакомом ей лесу. Мы же лес не знаем, и это может привести к большим потерям.

— Поэтому любыми средствами надо выманить банду из леса, — добавил командующий, — и вот мы решили эту операцию поручить вам. Мы передаём в ваше распоряжение захваченного в плен бывшего начальника штаба антоновской армии Ектова. Постарайтесь использовать его. И учтите: Матюхин не знает, что Ектов в плену.

Много часов провел Котовский с Ектовым, расспрашивая его о Матюхине, о месте, где находится банда. Ектов понял, что дело мятежников проиграно, и всячески

старался сохранить себе жизнь. Он рассказывал всё, что знал, но сведения эти не могли помочь выманить матюхинскую банду из леса.

Котовский спросил у Ектова:

— На что же в конце концов надеются бандиты?

Ектов пожал плечами, сказал:

— Антонов для поддержания своих солдат выдумал, что на Дону находится армия атамана Фролова, который идёт на Москву. Матюхин и его отряд верят в это...

— Ясно! — проговорил Котовский и подумал: «Пока бандиты верят в атамана Фролова — они не выйдут из леса. Мало того, они будут яростно сопротивляться, потому что не знают о безвыходности своего положения, о своей обречённости. Они надеются, что придёт помощь. Это, конечно, осложняет дело. Но, с другой стороны, это же можно и использовать...»

У Котовского созрел план, с которым он ознакомил командующего.

На другой день бригада выступила из города. Бойцы первого полка нашили себе красные лампасы, а бойцы второго надели бараньи шапки.

— Итак, отныне вы — Кубанско-Донская повстанческая армия, — обратился Котовский к бойцам. — Винтовки надеть по-казачьи! — и, подождав, пока бойцы выполнят приказ, продолжил: — Эскадроны теперь называть сотнями, командиров полков — есаулами, командиров эскадронов — сотниками, а меня — атаманом Фроловым. Кому дорога революция и честь красного бойца, тот должен хранить тайну и выдержать этот маскарад!

Рано утром бригада вступила в село Кобылянку-Дмитриевское. Богатое кулацкое село насторожённо встретило новых людей. Но скоро кулаки успокоились: прибывший отряд был явно «своим».

В то же утро к Котовскому явился младший брат атамана Матюхина. Брат жил в деревне, никакого отношения к банде якобы не имел, но служил постоянным связным между лесом и кулаками. Ему Котовский вручил письмо для атамана и попросил срочно передать его Матюхину. А чтоб письмо вернее дошло, Матюхина-младшего взялись сопровождать два «сотника» — из штаба Котовского.

В письме говорилось о том, что отряд — часть Кубанско-Донской армии — идёт походом на Москву и предлагает атаману Матюхину выйти из лесу и присоединиться к повстанческой армии. Подписали письмо атаман Фролов и Ектов.

Лес, где укрывалась банда, был рядом с селом, всего в четырех километрах. Но ждать ответа пришлось долго — видимо, Матюхин думал. Наконец пришёл ответ. Матюхин писал, что согласен присоединиться к армии Фролова, готов идти на Москву, но требовал, чтоб Фролов и Ектов сначала сами прибыли в лес и встретились в условленном месте с Матюхиным. Только с ними вместе он согласен выйти из леса. «Потому что, — заканчивал письмо Матюхин, — слышали мы, что против нас идёт командир Котовский. А он больно хитёр. Так как бы не вышло чего».

Срочно был собран командный состав бригады. Многие командиры возражали против встречи Котовского в лесу с Матюхиным. Это могла быть ловушка — ведь нет уверенности, что Матюхин не пронюхал чего-нибудь. Но даже если и не так — Ектов очень ненадёжный и может выдать...

Котовский молча выслушал командиров.

— Всё это так, товарищи, — сказал он, вставая, — но бывают моменты, когда для революции надо рисковать жизнью. Такие моменты были у каждого из вас, были они

и у меня. Сейчас я снова должен рискнуть. Другого выхода нет.

Вчетвером — Котовский, Ектов и два «сотника» — отправились в лес. Григорий Иванович понимал, что одно слово, даже один взгляд Ектова смогут сорвать всю операцию: бандиты до предела насторожены, подозрительны. Но Ектов не выдал. Ектов ехал рядом с Котовским, всё время чувствуя, что комбриг держит палец на курке револьвера.

«Атаман Фролов» и Ектов встретились с Матюхиным. Встреча прошла благополучно. Матюхин был доволен, что к нему лично явились Ектов и даже сам Фролов, за которым, как слышал Матюхин, идут многие тысячи казаков-повстанцев. Он быстро собрал отряд и вышел во главе отряда из лесу.

В селе банду уже ждали. Котовцы, игравшие роль «казаков», незаметно, будто им очень было интересно посмотреть на «героических» матюхинских бандитов, послушать их рассказы о жизни в лесу, окружили бандитов, а самого Матюхина и его штаб «атаман» пригласил на срочное совещание — обсудить поход на Москву.

Когда все расселись, «атаман Фролов» встал и не спеша оглядел собравшихся. Бандиты приготовились слушать. И вдруг услышали:

Долой комедию! Я — Котовский!

Никто даже не шевельнулся. А когда Матюхин и его штаб пришли в себя — они увидели направленные на них револьверы.

— Сдавайте оружие, — спокойно сказал Котовский и выстрелил в потолок.

Это было сигналом для бойцов. Тотчас же «казаки» навалились на ничего не понимающих бандитов и обезоружили их.

Так закончилась история «атамана Фролова».

* * *

Отшумели грозные бои. Молодое советское государство победило на всех фронтах гражданской войны, ликвидировало на Украине банды Петлюры, подавило кулацкий мятеж Антонова. Григорий Иванович Котовский был

назначен начальником 3-й Крымской кавалерийской дивизии, а вскоре ему поручили командование 2-м кавалерийским корпусом.

Имя Котовского стало легендарным ещё при жизни Григория Ивановича. Очевидцы рассказывали о его славных делах, в народе слагали о нём песни. Такую любовь Григорий Иванович Котовский заслужил своей храбростью и отвагой, отдавая все свои силы борьбе за счастливую жизнь молодой Советской Республики.

Сергей
Алексеев

РАССКАЗЫ О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

Одним из самых прославленных полководцев и героев Великой Отечественной войны был Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Военную службу Георгий Константинович Жуков начал в 18 лет рядовым. Когда началась Великая Отечественная война, Жуков был уже генералом армии и известным советским военачальником. Это под его руководством в 1939 году в далекой Монголии у реки Халхин-Гол были разбиты войска японских агрессоров, напавших на нашего большого друга — братскую Монгольскую Народную Республику.

В годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович Жуков стал маршалом.

О маршале Жукове и написаны эти рассказы.

НОВЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ

Стояла осень 1941 года. Фашисты рвались к Москве. Обойти Москву с севера, с юга, схватить оборонявшие Москву советские части в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

В эти тяжёлые для Москвы дни командующим Западным фронтом — главным фронтом, защищавшим советскую столицу, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Смотрят офицеры на нового командующего. Роста невысокого. Коренаст. Плечист. Голова большая. Глаза острые.

— Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги, — докладывают штабные офицеры новому командующему боевую обстановку.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — И сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает место, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

— Здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-западе от города, сосредоточил противник большие

силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги подтянул противник свежие танковые части. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков, — не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части. — И показывает новое место на карте.

Переглянулись офицеры. Уловил генерал Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так и есть. Вы молодцы — обстановку на фронте знаете, — похвалил Жуков офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновым, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем прибыть в штаб, поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

До самых последних дней героической обороны Москвы генерал Жуков командовал войсками Западного фронта. Это под его руководством и под руководством других советских генералов наши войска отстояли Москву от врагов. А затем перешли в наступление и в упорных сражениях разбили фашистов в великой Московской битве.

ОРДЕН СУВОРОВА

Разбитые под Москвой фашистские генералы не успокоились. Летом 1942 года, собрав свежие силы, они начали новое наступление. Теперь фашисты уже решили не идти прямо на Москву. Они нанесли удар на юге нашей страны. Фашистские армии устремились к Кавказу и к Волге, к городу Сталинграду.

Закипела Великая Сталинградская битва. Сюда под Сталинград были посланы генерал Жуков, генерал Василевский и другие видные советские военачальники.

— Жуков прибыл.

— Жуков прибыл, — передавалось от солдата к солдату.

Не было в советских войсках бойца, который не знал бы про генерала Жукова. Понимают солдаты, если прибыл под Сталинград генерал Жуков, что-то большое должно свершиться.

Не ошибались солдаты. Не зря приезжали под Сталинград Жуков, Василевский и другие видные советские генералы. Ставка Верховного Главнокомандования — так в годы Великой Отечественной войны называлось высшее командование Советской Армии — разрабатывала план грандиозного разгрома фашистов под Сталинградом.

Жуков, Василевский и другие советские генералы и приезжали под Сталинград для того, чтобы подготовить этот план. Определяли место, где лучше всего ударить по фашистам. Решали, каким армиям первыми идти в наступление.

Вот как выглядел план советского наступления. Ударами советских войск с севера и с юга от Сталинграда окружить фашистов, штурмующих Сталинград, зажать их в огромное кольцо, а затем разгромить или заставить сдаться в плен.

Торопят солдаты время:

— Скорей бы, скорей бы уже в наступление.

И вот день наступления.

1942 год. 19 ноября. Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это открыла огонь советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И наконец с криком «ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота.

Окружение фашистов под Сталинградом началось.

Четыре дня советские армии громили фашистов. С севера и с юга они шли навстречу друг другу. И вот советские войска встретились. Триста тысяч солдат и офицеров фашистской армии были окружены.

Фашисты долго и упорно сопротивлялись. Они пытались вырваться из окружения. Но фашистов заставили капитулировать.

К этому времени из огромной 330-тысячной армии

фашистов в живых осталось лишь 91 тысяча солдат и офицеров. Все они сдались в плен. Сдались в плен все фашистские генералы. Сдался и командующий фашистской армией генерал-фельдмаршал Паулюс.

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой.

Тысячи советских солдат и офицеров — участников Сталинградской битвы — были награждены орденами.

Страна отмечала и отличившихся советских генералов. Они были награждены высшими полководческими орденами. Одним из самых почётных орденов, которыми награждаются советские военачальники, является орден Суворова. Орден Суворова имеет три степени. Первая степень самая высокая. Первым среди советских полководцев орденом Суворова первой степени № 1 был награждён генерал армии Георгий Константинович Жуков.

ЧАСЫ

В 1941 году, ещё в первые месяцы Великой Отечественной войны, фашистские полчища подошли и окружили город Ленинград. Начались тяжелые дни ленинградской блокады. Несколько раз наши войска пытались отбросить фашистов от Ленинграда. Но сил пока не хватало.

В январе 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение прорвать фашистское окружение вокруг Ленинграда. Под Ленинград представителем Ставки был послан генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков в Ленинград. Ознакомился с состоянием войск. Побывал в частях. Затем устроил совещание с генералами и офицерами. В числе приглашённых на совещание был и полковник, командир одной из стрелковых дивизий.

Собрались генералы и офицеры. Начал Жуков своё выступление. А полковника-пехотинца — нет.

Что такое?

Опоздывает.

Опоздал полковник на совещание. Приоткрыл дверь в комнату, где шло совещание. Переступил через порог. Вытянулся. Обратился к Жукову:

— Разрешите присутствовать, товарищ генерал армии!

Понимают генералы и другие офицеры — будет сейчас полковнику за опоздание. Строг Жуков. Не даёт нерадивым спуска. Понимает и сам полковник — не уйти ему от наказания.

Так и есть.

Нахмурился Жуков. Грозная складка на лбу собралась.

— Почему опоздали?!

— Часы, товарищ генерал армии, — отвечает полковник и косится на свои часы.

— Что часы? — с раздражением спросил Жуков.

— Отстали часы, товарищ генерал армии, — признался полковник.

Посмотрел генерал на полковника.

— Значит, дрянь часы, — произнес Жуков. — Выбросить надо такие часы.

Только закончил Жуков фразу, как полковник сразу же: — Слушаюсь, товарищ генерал армии!

И тут же в долю секунды снял часы со своей руки и с силой бросил об пол.

Ударилась часы. Разлетелось на мелкие осколки стекло. Отлетела крышка. Какое-то колёсико покатилося...

В комнате стало на редкость тихо. Все смотрели на Жукова, на часы, на полковника.

Жуков тоже посмотрел на часы, затем на полковника.

— Садитесь, — наконец произнёс Жуков.

Сел полковник. Продолжил Жуков своё выступление.

Закончилось совещание. Разошлись командиры. Вернулся в свою часть и полковник. Вернулся. Настроение скверное. Знает, что Жуков строг. Ждёт за опоздание от Жукова наказания.

Возможно бы, так и случилось. Да только тут наши армии обрушились на фашистов. Отважно сражались советские солдаты. Умело действовали советские командиры. Прорвали наши войска фашистскую блокаду. Повезли поезда грузы в героический Ленинград.

Вспомнил Жуков теперь полковника. Поинтересовался, как сражалась его дивизия.

— Отлично, — ответили Жукову.

— А как сам полковник?

— Отлично, — снова сказали Жукову.

Улыбнулся генерал. Послал полковнику пакет с нарочным.

Принял полковник пакет. Решает: понизили в звании, понизили в должности? Развернул. В пакете — часы от Жукова.

МАРШАЛ

В январе 1943 года генералу армии Георгию Константиновичу Жукову было присвоено звание — Маршал Советского Союза.

Фашисты не хотели смириться с своим поражением под Сталинградом.

Они готовились к новому мощному наступлению.

К новым боям готовились и наши войска.

Но где и когда начнут наступать фашисты?

Разные были мнения. Спросили мнение у маршала Жукова.

— Считаю, что фашисты будут наступать у города Курска, — ответил Жуков и добавил: — Фашисты уже не те, что были два и даже год тому назад. Не будет у них уже сил, чтобы наступать в нескольких местах. Удар они постараются нанести один, но очень мощный. Севернее, западнее и южнее Курска собралось много наших войск. Они здесь глубоко вклинились в оборону фашистов. Сравнять этот выступ, уничтожить здесь находящиеся советские войска и будут пытаться фашисты.

Вскоре разведчики донесли: прав маршал Жуков — фашисты готовят наступление, действительно, в районе Курска.

Готовясь к новым боям, многие советские генералы предлагали опередить фашистов и первыми ударить по ним под Курском.

Снова спросили мнение Жукова.

— Считаю нецелесообразным, — ответил Жуков.

Объяснил маршал, почему он считает нецелесообразным, чтобы наступали первыми советские войска. Фашисты, хотя они уже и не те, что были в начале войны, но всё ещё очень сильны. У них всё ещё много танков, орудий, самолётов. Идти в наступление против такой техники, такого врага — значит, нести большие потери. Маршал Жуков, а к нему присоединились и многие другие советские генералы, считал, что надо дать возможность наступать первыми фашистам. В оборонительных боях, с хорошо укреплённых и защищённых позиций, советские воины уничтожат значительную часть фашистской военной техники. А уничтожив много фашистских танков, пушек и самолётов, нам уже будет легче идти в наступление. Так будет проще разбить сильного врага.

Кое-кто пытался возражать против такого предложения. Но Ставка Верховного Главнокомандования всё же утвердила предложения Жукова. Они и вошли в план Курской битвы.

Когда началась Курская битва, всем стало ясно, что это — битва первоклассной военной техники. Устояли наши в оборонительных сражениях. Сдержали фашистов. Затем сами перешли в наступление. Завершили своей победой Курскую битву.

Закончилась Курская битва.

— Точно всё получилось. Точно по вашему плану, — говорили Жукову после битвы.

— Получилось, — улыбался Жуков и уточнял: — Только по плану не моему, а нашему общему плану.

И это верно. Многие советские генералы принимали участие в составлении плана Курской битвы и в руководстве великим сражением около Курска.

— Прав, конечно, Жуков — общая здесь победа.

— Прав-то прав, — говорили другие, — да всё же доля не всех здесь равная.

И тут согласились все:

— И это верно. На то и маршал.

ПАРИЧИ

Наши войска освобождали Советскую Белоруссию. Белоруссия — край болот. Царство трясин и топей. Нелегко здесь войскам сражаться.

Один из ударов советские войска наносили на город Паричи. Паричи стоят на реке Березине. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга или с востока.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с Востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые — белорусские, непроходимые.

Ясно фашистам, если и будет удар на Паричи, так только с востока — с левого берега Березины. Ясно и нашим, что нет здесь другого пути.

И всё же...

Армией, которая должна была здесь наступать, командовал генерал Павел Иванович Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на правый, на левый берег Березины. Всё чаще ездит на правый — туда, где болота.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский. И Рокоссовский ломает голову. Всё обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Всё чаще и чаще туда, где болота, — на правый.

Представителем Ставки Верховного Главнокомандования на 1-ом Белорусском фронте был Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на правый, на левый берег. Всё чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают один от другого свои поездки. Ясно одно — не дают им покоя болота.

И вот здесь, на болотах, однажды неожиданно встретились маршал и генералы.

— Здравия желаем, товарищ маршал! — поприветствовали Жукова генералы.

— Здравия желаю, товарищи генералы, — ответил Жуков. Глянул на генералов: — Что же вас сюда привело?

— Да так, — пожали плечами Рокоссовский и Батов, — урвалась минута отдыха. Места здесь на редкость сказочные.

Ответили генералы и сами с вопросом к Жукову:

— Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

— Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, — ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Рокоссовский и Батов на Жукова — рассмеялись маршал и генералы.

Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело их сюда, в трясины.

Вскоре советские войска пошли в наступление.

Ждут их фашисты с востока. И вдруг:

— Русские с юга!

— Русские с юга!

— Как с юга? Там же трясины, болота, топи!

Всё верно. Из болота выходят русские.

Но это только казалось, что наши войска выходят из болота. На самом деле маршал Жуков приказал нашим частям соорудить здесь мосты и настилы. По ним через болота и переправились советские войска.

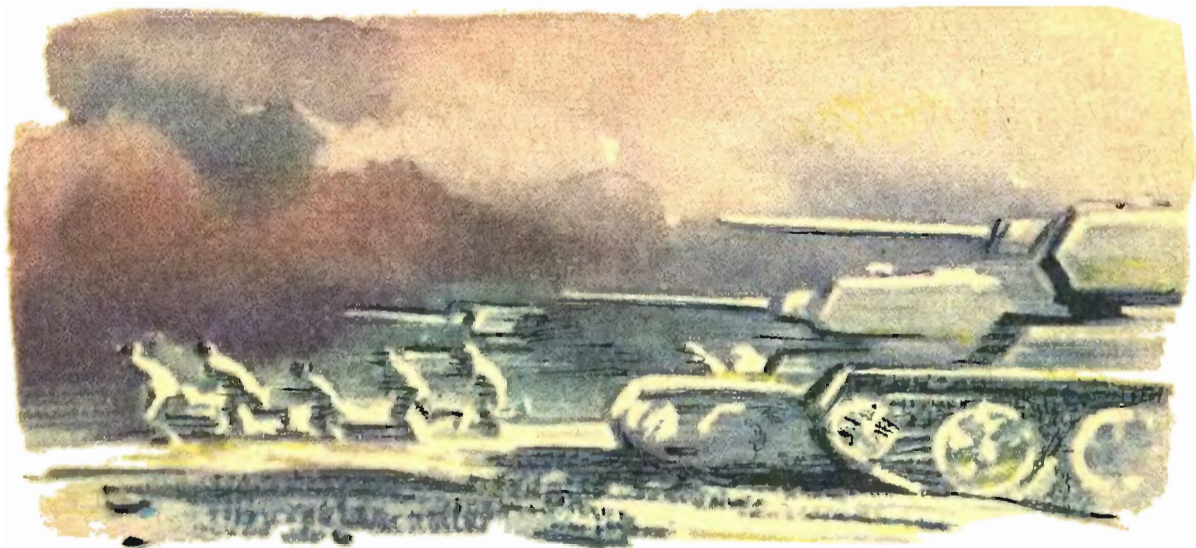
Удар был стремительным. Неожиданным. Фашисты бежали. Свободны Паричи.

ВОЛШЕБНЫЙ ОГОНЬ

Стояла весна 1945 года. Приближалась последняя битва Великой Отечественной войны — битва за Берлин.

Много грозных сражений с фашистами прошло за последний год. Советские войска разбили фашистов на Украине и в Белоруссии. Они освободили почти полностью всю Прибалтику. Советские воины пришли на помощь другим странам Европы, страдавшим под игом фашистских захватчиков. Они прогнали фашистов из Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии. Вели бои за освобождение Югославии и Чехословакии.

И всё же, чтобы закончить войну полной победой, надо было взять столицу фашистской Германии город Берлин.

Центральным фронтом, который наступал на Берлин, — 1-м Белорусским — командовал маршал Жуков.

Нашим войскам предстояло прорвать очень сильную оборону противника.

Как же сделать так, чтобы прорвать её быстрее, чтобы наступление начать в тот момент, когда фашисты меньше всего его ожидают, чтобы при прорыве меньше советских солдат погибло.

Не раз собирались советские генералы, обсуждали, как поступить лучше.

Маршал Жуков предложил начать прорыв обороны фашистов в три часа ночи.

— В три часа ночи? — переспросил кто-то. — Так ведь ночь, темнота, ничего не видно, товарищ маршал.

— Верно, темнота, ничего не видно, — согласился Жуков. — Так надо придумать что-то.

Но что же придумать? Раньше времени солнцу не прикажешь взойти.

И вот 16 апреля 1945 года. Три часа ночи по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт начал прорыв на Берлин.

30 минут длился ураганный, испепеляющий всё огонь. Но вот так же неожиданно, как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло всё. Затихло.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись фашистские генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, ослепили десятки невиданных солнц. Зажмурились фашисты. Что такое?!

Открыли глаза. Снова яркость глаза кусает.

Сообразили фашисты — так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На много километров протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьёт фашистам в глаза. Помогает, освещает дорогу нашим. Наступают советские танкисты, наступают советские артиллеристы, наступают советские пехотинцы...

В растерянности фашисты.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолёты. Довершают они удар. Невиданной силы удар. Невиданной дерзости.

Прошло несколько дней, и советские войска штурмом ворвались в Берлин. Подняли над Берлином красное Знамя Победы.

Уже после падения Берлина среди фашистских солдат вдруг появился слух, что советским войскам взять Берлин помог какой-то огонь волшебный.

Узнали советские солдаты. Смеялись над этим огнём волшебным. Затем кто-то из генералов рассказал про волшебный огонь маршалу Жукову.

Выслушал Жуков и вдруг ответил:

— А что? Был и огонь, был и волшебный. — Наклонился к генералу: — В сердце солдатском огонь волшебный. Он и принёс победу.

РАДОСТЬ ПОБЕДЫ

После падения Берлина война продолжалась всего несколько дней. Фашистская Германия была окончательно разбита.

Карлсхорст. Так называется один из пригородов Берлина. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года здесь собрались представители Советского Верховного Главнокомандования и представители командования войск союзников. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии сражались Соединённые Штаты Америки, Англия и Франция. Они были нашими союзниками. Вместе с нами

и они отмечали победу над фашистской Германией. Сюда в Карлсхорст прибыли и фашистские генералы. Им предстояло подписать документ о безоговорочной капитуляции. Капитулировать — значит признать полное своё поражение, полностью сдаться победителям.

Понурые, недовольные вошли в зал фашистские генералы.

Председательствовал маршал Жуков.

Посмотрел Жуков сурово на фашистских генералов: — Изучили акт о безоговорочной капитуляции? Готовы его подписать?

— Готовы, — глухо ответили фашистские генералы.

После подписания акта маршал Жуков устроил торжественный приём в честь советских и зарубежных гостей.

Приём был не только торжественным, но и весёлым.

Радость победы гуляет в зале. Слышится смех. Светится в лицах. Начались песни. Начались танцы. Кто-то

из советских генералов ударил «русского». Танец быстрый, лихой, с пристуком.

Кто-то повернулся к маршалу Жукову. Стал приглашать:

— Товарищ маршал!

— Что вы, что вы, — засмутился Жуков.

— Георгий Константинович!

Заколебался Жуков. Вспомнил молодость.

Уговорили боевые товарищи маршала Жукова.

Случилось невероятное — «капитулировал» маршал Жуков. Сдался Жуков. Сплясал он лихого «русского».

Обступили маршала и наши и зарубежные гости.

— Жуков танцует!

— Маршал Жуков танцует «русского».

— И «русского» и «советского», — улыбается Жуков.

— И «советского» и «победного», — прошло по залу.

Вскоре, в июне 1945 года, в Москве, на Красной площади, состоялся грандиозный парад Победы. Грозно чеканя шаг, шли по Красной площади воины-победители.

Парад принимал Маршал Советского Союза прославленный полководец Великой Отечественной войны Георгий Константинович Жуков.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Кононов «Рассказы о Чапаеве»	3
Случай в Вязовке	4
Красный автомобиль	7
Клинцовские ребята	10
Ночной разговор	12
Бой	15
Приказ Ленина	15
Последний поход Чапаева	20
Знамя	24
Юрий Дмитриев «Григорий Котовский»	26
Волы	27
«Ноги вверх!»	30
Необычный визит	33
Баржа	35
Две субботы	38
Батарея	40
«Интернационал»	42
«Атаман Фролов»	44
Сергей Алексеев «Рассказы о маршале Жукове»	50
Новый командующий	51
Орден Суворова	52
Часы	55
Маршал	57
Паричи	59
Волшебный огонь	60
Радость победы	62

А. Кононов
Рассказы о Чапаеве
Ю. Дмитриев
Григорий Котовский
С. Алексеев
Рассказы о маршале Жукове

Для детей младшего школьного возраста

Редактор М. С. Локалова
Художник О. А. Бороздин
Художественный редактор Ю. А. Пичугин
Технический редактор В. М. Панфилова
Корректор В. М. Собчак

ИБ № 1037

Сдано в набор 28.08.87. Подписано в печать 18.01.88. Формат 60 × 90^{1/16}.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 21.
Усл. п. л. 4. Уч.-изд. л. 3,57. Тираж 500 000 (1—250000). Заказ 855. Цена 20 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150000, г. Ярославль,
ул. Трефолева, 12.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.